

преодолевая явное или скрытое сопротивление бояр-воевод, Грозный неуклонно продолжал вести наступление на Казань. Чтобы резче оттенить ведущую роль Грозного в восточной политике 50-х годов, автор использует всякую возможность для противопоставления государственной точки зрения Грозного своекорыстным побуждениям бояр.

В споре о том, кому принадлежит главная заслуга в деле покорения „прегордого“ Казанского царства, автор „Казанской истории“ решительно стал на сторону Грозного. Он показал, что походы под Казань предпринимались Иваном IV при явном противодействии со стороны феодальной знати: „мнози тогда худоумнии человецы, или прямо рещи безумные и тщедушныя, негодоваху и роптаху на самодержца своего, яко и самому ему землю свою губящи, и паче злее ратных и щадящу, и не брегущи люди своих“.¹ Вспомним упрек Ивана Грозного по адресу „избранной рады“ в его „Цареве государеве послании“: „егда посылахом на Казанскую землю воеводу своего князя Семена Микулинского с товарищи, како вы глаголали? Се яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела“.²

Автор „Казанской истории“ показывает, что во время осады и штурма Казани в 1552 году Иван Грозный не только руководил всеми военными операциями, но и принимал в них личное участие. Не в пример князьям и воеводам, стоявшим „бездельно“ во время приступа к крепости, Грозный „всед на избранный свой конь с мечем своим... хотеша в ярости дерзнути с воеводами сам итти к приступу в велицем полце и собою дати начало храбрости всем“.³

В обострившейся внутриклассовой борьбе царя с боярством, в суровые и трудные годы опричнины автор „Казанской истории“ бесповоротно стал на сторону Ивана Грозного и оценил события и поведение участников их за все предшествующее время с точки зрения нового исторического этапа политической борьбы.

Не случайно в начале 70-х годов XVI века в антиправительственном лагере появилось сочинение „История о великом князе московском“, где изменник Курбский остановился по существу на тех же эпизодах из истории похода под Казань, на которых заострил внимание читателя автор „Казанской истории“.

Описывая деяния „избранной рады“, Курбский сообщает, что это именно она произвела реформы в войске, позволившие перейти к решительным действиям по отношению к Казани. Дела „избранной рады“, по словам Курбского, якобы воодушевили Ивана IV, который „возревновав ревностью начал против врагов сам ополчаться“⁴ Курбский нагло заявляет о том, что военными действиями под Казанью руководил не Иван Грозный, а „стратилаты великия... княжа Суздальский Александр, нареченный Горбатый... княжа Пронский Юрий, княжа Федор Львов, княжа Семен Микулинский“⁵ и он — князь Курбский. А во время решительного штурма, когда, по „Казанской истории“, князья и воеводы „стояли бездельно“, а Грозный, „всед на избранный свой конь“, сам бросился в бой, чтобы „собою дати начало храбрости всем“,⁶ по клеветническому рассказу Курбского „искусные стратилатове“, т. е. те же князья-воеводы, для подъема духа русского войска,

¹ Q. 26-П, л. 260 об. — 261.

² Послания Ивана Грозного, стр. 47.

³ Q. 26-П, л. 215 об.

⁴ РИБ, т. XXXI, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 181, 187, 189.

⁶ Q. 26-П, л. 215 об.